

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St. - Pétersbourg.

Tome XVI.
(1913 - 1914).

Petrograd.

Абхазское происхождение грузинскаго термина родства *vida* *дядя*.

Н. Я. Марра.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 15 января 1914 г.)

Не удивительно встрѣтить въ грузинскомъ лингвистическихъ свидѣтелей абхазскаго вліянія на Грузію. Абхазы, отброшенные нынѣ пришлыми элементами отъ береговой линіи, нѣкогда въ морскомъ дѣлѣ, естественно, могли быть учителями своихъ сосѣдей. Въ грузинскомъ между прочимъ сохранилось абхазское слово *à-φга парусъ*, абхазское я по формѣ (префиксъ а-, исчезающій въ формѣ единичности: φга-к *одинъ изъ парусовъ*), и по виду корня (двухогласность его — φг: а-φгә-гә *летаніе, летать*, пов. аφгә, тогда какъ въ грузинскомъ онъ трехсогласный — *ფგბჟაჲ* φგena-у *летаніе, летать*), и по значенію: *парусъ* называется у абхазовъ терминомъ отъ корня а-φгә-гә *летать* въ связи съ образнымъ ихъ представленіемъ о суднѣ или лодкѣ какъ о птицѣ; въ связи съ этимъ *вессло* по-абхазски называется словомъ, означающимъ *крыло*, именно *à-аʒа*¹⁾). По-грузински абхазскій терминъ для обозначенія паруса сохранился полностью, съ абхазскимъ префиксомъ а-, въ видѣ *ფგბჟა* аφга. Его имѣемъ въ древнегрузинскомъ переводѣ св. Писанія, судя по цитатамъ Орб. II Ч², въ книгахъ Ис. 33,23 и *Дьян.* 27,17 и 40²).

1) Послѣ послѣдней поѣздки въ Абхазію, зимой 1913/14 года, транскрипція абхазскихъ звуковъ будетъ исправлена и дополнена, но пока пользуюсь прежнею, см. Н. Марра, *Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію (Къ этнологическимъ вопросамъ)*, Изв., 1913, стр. 303—334, табл. I.

2) Встрѣчается однако чаще, а изъ *Дьян.* 27 (Ч² по опечаткѣ 57), 17 и 40 Моск. изданіе слово сохранило лишь во второмъ случаѣ; что касается цитуемаго стиха Исаи, текстъ его по обыкновенію различно представляетъ въ Московскомъ изданіи (М) и Ошскомъ спискѣ (О) 978-го года, такъ называемомъ Авонскомъ; болѣе древнее чтеніе, на которое ссылается и лексикографъ Орб., имѣемъ въ спискѣ, легшемъ въ основаніе Московскаго изданія, и въ немъ то и находимъ слово *აჟბა* аφга *парусъ*, собственно *აჟბას ქვედა აფგ-ის ჟეს-ი-ი მატერია* (букв. *основы паруса*, тогда какъ въ О стихъ (Ис. 33,23) помно особенности редакціи, видимо, пострадалъ подъ перомъ переписчика, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія:

О *განხილვის სიხელნი შეხნი მან განხილვებს*
გარევის შეხნი შეხნი: მან აჯალას ხასწაუჯლი ქაღ
შეხნი წინსტეჟუნქალა.

М *განხილვის სიხელნი შეხნი მან განხილვებს. ნა*
ქვისი შეხნი მიღებს. მან შიშითიიქვენი (sic) აჟბას ქვედა ნა.
მან აჯალას ნაშანი ქაღის მან მიჰვის ცუჟუაქ.

М повторяетъ въ значительной части буквально вмѣстѣ съ А^v, т. е. армянской вульгатой, редакцію I.LXX; кстаги, какъ въ А^v использовано *ჟა*мъ пошав, такъ въ М *ს.ს.ს.ს. nišan-i*, т. е. слово

Этимология слова $\delta\alpha\delta$ $\delta\alpha\delta$ *дядя* известна. Слово значитъ «отца + братъ». Въ данный моментъ рѣчь идетъ уже не объ этимологическомъ его анализѣ, а о томъ, откуда въ грузинскомъ появился этотъ терминъ? Представлять ли онъ собою чисто картское образование или происходитъ изъ другого яфетическаго, т. е. лишь родственнаго съ грузинскимъ языка? Раньше и этотъ вопросъ мнѣ казался рѣшеннымъ въ смыслѣ чисто картскаго его происхожденія, что и отразилось въ послѣднихъ работахъ, появившихся въ печати совсѣмъ недавно, въ 1912 г. 1). Тогда я приходилъ невольно къ такому рѣшенію потому, что затрудненіе въ объясненіи даннаго термина при предполагавшемся картскомъ его происхожденіи усматривалось только во второй части сложнаго слова, именно $\delta\alpha$, послѣдняя же представлялась усѣченнымъ видомъ первоначальной основы ($\delta\alpha m$ -) картскаго слова $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha m$ ($< * \delta\alpha m$ -a-y, resp. $* \delta\alpha m$ -al-i) *братъ*. Такое объясненіе казалось безусловно удовлетворительнымъ и окончательнымъ ввиду тождества въ сближаемыхъ словахъ какъ кореннаго согласнаго (δ), такъ его огласовки (a). Правда, въ первой части (b-i) мы не имѣли отнодія картской формы ни первичной— $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha m$ -al-i, ни вторичной— $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha m$ -a-y (ново-г. $\delta\alpha\delta$ $\delta\alpha m$ -a), ни усѣченной, точнѣе безъ суффикса -al,— $\delta\alpha\delta$ $\delta\alpha m$ -, что появляется не только въ Р. и Т. падежахъ $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha m$ -is, $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha m$ -i δ по нормѣ ново-г. склоненія, но и неоформленно въ сложныхъ словахъ, напр., въ $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha m$ - $\delta\alpha l$ -i *патріархъ*, букв. то, что у армянъ значитъ *Հայրապետ* $\delta\alpha m$ - $\delta\alpha l$ -i *науга-рет*, но въ ту недавнюю пору мысль все еще работала по линіи укрупненія родства грузинскаго съ семитическими, орудуя фактами изъ жизни самой грузинской рѣчи, ея одной: одногласный корень съ b выступалъ передъ нами какъ пережитокъ давно миновавшей стадіи развитія грузинской рѣчи, когда она, казалось, должна была стоять ближе къ семитическимъ эквивалентамъ, именно арб.

$\delta\alpha$, resp. $\delta\alpha$, евр. $\delta\alpha$ и т. п. Не сознавалось, что такимъ сближеніемъ иранскаго происхожденія, для передачи $\sigma\eta\mu\epsilon\tau\omicron\nu$ LXX, тогда какъ въ О чисто грузинскій терминъ $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha$ - $\delta\alpha l$ -i. Въ общемъ однако и чтеніе М своеобразно, и оно, кромѣ того, подверглось искаженію, и во великомъ случаѣ едва-ли $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha$ - $\delta\alpha l$ -i *тжани* (см. Орб. подъ $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha$ - $\delta\alpha l$ -i им. $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha$ - $\delta\alpha l$ -i) слѣдуетъ понимать какъ *мачту* (ср. Ч2 подъ $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha$ - $\delta\alpha l$ -i и Ч2 подъ $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha$ - $\delta\alpha l$ -i); по всей видности, это—*флагъ*, и чтеніе въ такомъ случаѣ представляетъ нѣсколько свободную передачу евр. $\delta\alpha\delta\alpha$, понятая реально какъ «мачта со значкомъ» (ср. Ис. 30,17) или прочитаннаго по недомотру $\delta\alpha\delta\alpha$ и неправильно понятаго въ связи съ евр. $\delta\alpha$ въ смыслѣ *значка, флага*. Съ другой стороны, О вм. корабельной «мачты» читаетъ «столбъ палатки», буки «древъ палатки»: $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha$ - $\delta\alpha l$ -i $\delta\alpha\delta\alpha$ $\delta\alpha$ - $\delta\alpha l$ -i *karvis delni*. Стихъ и въ той и въ другой редакціи грузинскаго перевода можетъ быть понятъ надлежаще лишь по изученіи грузинскаго текста всей книги Исаяи.

1) П. Чаралъ, *Объ отношеніи абхазскаго языка къ яфетическимъ*, § 10, П. Марр, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 1, и *Яфетическое происхожденіе абхазскихъ терминовъ родства*, стр. 423.

нарушается правильная перспектива исторического развития самого грузинского языка, не говоря о томъ, что въ то же время въ работу незамѣтно прокрадывалось несостоятельное въ основѣ предположеніе, будто мы обязаны съ семитическими эквивалентами считаться непременно какъ съ первичными или хотя бы какъ съ болѣе древними формами. Фактъ же тогъ, что видъ b-i-, хотя и яфетическій, трудно объяснять на карѣской почвѣ какъ пра-форму или тѣмъ болѣе какъ позднѣйшую діалектическую разновидность¹⁾. Съ другой стороны, даже тогда не былъ еще въ достаточной мѣрѣ оцѣненъ особый факторъ въ развитіи яфетическихъ языковъ, именно осложненное взаимодѣйствіе, когда готовое слово проникаетъ въ качествѣ заимствованія изъ одного яфетического языка въ другой и, попадая въ новую лингвистическую среду, подвергается частичному воздѣйствію фонетическихъ нормъ этой новой среды-восприимчицы. Своимъ ѣ слово г. *bida* *дядя*, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о карѣизмѣ; съ этимъ, въ данномъ случаѣ карѣскимъ ѣ, слово въ качествѣ заимствованія вошло во многія армянскія нарѣчія или правилыгѣ говоры, вплоть до айрататскаго, вплоть до Эчмиадзинна²⁾, и тѣмъ не менѣе слово по происхожденію не есть карѣское: оно не

1) Здѣсь рѣчи не можетъ быть о сокращеніи основы, наблюдаемомъ въ нѣсколькихъ грузинскихъ сложныхъ словахъ, напр. ႃႆႆႆႆႆႆ i-is-qvil-i *мелница*, гдѣ i-, resp. i-is, вм. ႃႆႆႆႆႆႆ i-*oda*, resp. ႃႆႆႆႆႆႆ i-*is ody*. Это — позднѣйшій терминъ, притомъ съ нагроможденіемъ согласныхъ въ сокращаемомъ словѣ. Въ нашемъ же случаѣ затрудненіе заключеніе въ архаичности термина и въ то же время — въ односложности, т. е. истертости корня, что же касается появления b вм. m, это явленіе само по себѣ закономерно и для исторіи карѣскаго языка, и сейчасъ діалектически рядомъ съ г. ႃႆႆႆႆႆႆ m-a-a имѣемъ г. ႃႆႆႆႆႆႆ b-a-a *отецъ* (чан. и мингр. ႃႆႆႆႆႆႆ b-a-a *отецъ*, св. ႃႆႆႆႆႆႆ b-a-a *отецъ*, діал. *дндз*, мн. ႃႆႆႆႆႆႆ babol), отсюда рядомъ съ г. ႃႆႆႆႆႆႆ m-a-mi-da существуетъ ႃႆႆႆႆႆႆ b-a-bi-da *тетка*, букв. *сестра отца*. Кстати, эта именно разновидность съ b понятія *отецъ* b-a-b | b-e-b лежитъ въ основѣ двухъ терминовъ — г. ႃႆႆႆႆႆႆ b-a-b-a *баба*, букв. *родитель*, *отецъ* (а не «отецъ отца», какъ раньше казалось, ср. Н. Марръ, *Яф. происх. абх. терминовъ родства*, стр. 424, см. также мингр. ႃႆႆႆႆႆႆ b-a-b-u *дндз*, св. ႃႆႆႆႆႆႆ b-a-b-a *баба* букв. *большой отецъ*) и г. ႃႆႆႆႆႆႆ b-e-b-i-a (мингр. ႃႆႆႆႆႆႆ b-e-b-i) *бабушка*, букв. *родительница*, отличающихся другъ отъ друга суффиксомъ, мужскимъ -a > и и женскимъ -ia > -i. Отсюда же, наконецъ, г. ႃႆႆႆႆႆႆ b-e-b-e-r-i *старый, старецъ, старая, старуха*, ႃႆႆႆႆႆႆ b-e-b-r-i id. въ названіяхъ трагъ и цѣвтовъ, г. ႃႆႆႆႆႆႆ b-e-b-r-u-d-a *старикашка*, ႃႆႆႆႆႆႆ b-e-b-r-u-d-a-a *старушка* (ср. абх. *ад мать, сажка*) и др. Рядомъ съ b-e-b-e-r-i имѣемъ въ грузинскомъ и ႃႆႆႆႆႆႆ b-e-r-i *старый, старецъ, старыишина, монахъ* и т. п., но своєю односложностью (b вм. bb) этотъ терминъ, какъ и рядъ другихъ, примыкаетъ къ ႃႆႆႆႆႆႆ bida. Конечно, объ иранскомъ происхожденіи г. b-e-r-i въ связи съ перс. بیر (встрѣчается еще въ пѣснѣвѣ) не можетъ быть и рѣчи, и если созвучіе не случайное, то на лицо опять матеріалъ для вопроса о вкладѣ яфетическихъ языковъ въ иранскіе (ср. Р. Ногъ, *Grundriss der neupersischen Etymologie*, 286, прим. 1). Взаимнѣмъ абхазскаго истертаго вида корня склоняетъ я объяснить и мингр. ႃႆႆႆႆႆႆ ba-did-i (сѣв. мингр. говоры на рубежѣ съ Абхазією ba-dad-i) *старикъ*, собств. *дндз*, букв. *большой отецъ*, чан. ႃႆႆႆႆႆႆ ba-d-i, ср. абх. *ab-dū dndz*, букв. *большой отецъ*, хотя въ мингральскомъ словѣ можемъ имѣть случай образованія сложнаго слова съ усѣченіемъ перваго (baba > ba-, см. I. Кишидзе, *Гр. мингр. яз.*, § 129, А, α, β).

2) Въ *Հայոց րաւ ու րիւն* о Саһака Амагунни не нахожу этого весьма популярнаго въ жпной армянской рѣчи слова.

содержит ничего специфически картского кроме указанной черты, именно согласного *ɟ*, указанная же черта может быть вторичным явлением, она могла появиться при заимствовании или по заимствованию, когда слово в общем чуждой формы, заимствованное из родственного языка, было карттизировано частично. Разъ решение вопроса ставится на такую единственно правильную историческую почву, мы имеем всякое основание грузинское *ბიდა* *bida* возводить в ближайшей ступени к формѣ **bīša*, а в такомъ случаѣ в терминѣ приходится усматривать съ усѣченіемъ начального *a-*, воспринятого какъ обычный абхазскій префиксъ, передачу абхазскаго *абуѣща* *дядя*, букв. *братъ* (-уѣща) *отца* (*ab-*). Надо, кстати, имѣть въ виду и то, что подъ вліяніемъ полугласнаго *y* (русск. *й*) в абхазскомъ «*a*» перерождается въ «*e*», а «*e*» — въ «*i*», почему и сейчасъ при записываніи словъ изъ живой рѣчи не разъ представлялось въ высшей степени труднымъ опредѣлить, какой звукъ въ дѣйствительности на лицо въ такихъ случаяхъ, ибо въ указанныхъ условіяхъ перерожденія «*a*» въ «*e*» слышенъ звукъ средній между «*a*» и «*e*», съ перевѣсомъ въ сторону «*e*», а въ указанныхъ условіяхъ перерожденія «*e*» въ «*i*» слышенъ звукъ средній между «*e*» и «*i*», съ перевѣсомъ въ сторону «*i*». Потому-то даже весьма внимательному наблюдателю было бы легко *абуѣща* в живомъ произношеніи воспринять какъ *абуища*, чтѣ съ усѣченіемъ начального гласнаго элемента основы (*a-*) и могло дать **-buiša*, т. е. явный прототипъ, къ которому восходитъ разъясняемое грузинское слово. Впрочемъ и согласный элементъ *ш* абхазскаго слова требуетъ особаго обсуждения, но это находится въ связи съ необходимостью пересмотра въ деталяхъ анализа абхазскихъ терминовъ родства, такъ какъ помимо черкесскаго съ абхазскимъ оказались въ болѣе близкомъ родствѣ горскіе языки восточнаго Кавказа, въ числѣ ихъ десятокъ нарѣчій (а не языковъ) такъ называемой андо-дидойской группы. Съ другой стороны, вопросъ иной, можетъ ли принадлежать въ самомъ абхазскомъ слово *уѣща*, гесп. *аща* *братъ* къ вкладу спирантной группы яфетическихъ языковъ? Если же, наоборотъ, оно принадлежитъ къ вкладу сибилантной группы, то какого именно языка? По объ этомъ особо. Пока выяснено, что *ბიდა* *bida* *дядя* грузины заимствовали отъ абхазовъ, причемъ абхазскую форму она подвергли въ деталяхъ фонетическимъ измѣненіямъ въ согласіи съ особенностями своей родной картской рѣчи ¹⁾.

1) г. ბიდა *bī-ḍola* *тетка*, очевидно, представляетъ новое уже грузинское образование съ усѣченіемъ ив. ბიდა *bī-ḍis* *ḍol-a* *жена дяди*, а г. ბიდა *bī-ia* — также грузинское образование, форма уменьшительная или ласкательная, въ значеніи *дядюшка*, по Орб. — «*дядя по матери*».